

знаки такого рода систем (как это имеет место при классификации), а лишь их фундаментальные свойства. И если речь идет об историко-стадиальной (формационной) типологизации этнических общностей, то, как уже говорилось, таким критерием выступают их социально-экономические параметры. Напомним при этом, что в данном случае имеются в виду не любые этнические образования, а только этносоциальные организмы. Историческая динамика собственно этнических общностей отличается рядом существенных особенностей. Это связано прежде всего с тем, что во всей совокупности общественных явлений социально-экономические отличаются наибольшей подвижностью, а этнокультурные, напротив, характеризуются устойчивостью. В силу этого скачки в собственно этнических процессах далеко не полностью совпадают с «разрывами постепенности» в социально-экономической истории, а соответственно и со скачками в развитии этносоциальных систем. Впрочем, видимо, преобладающими все же являются случаи возникновения новых этносов в периоды смены социально-экономических формаций. Так, большинство ныне существующих палеогенетических этносов сложилось в периоды становления раннеклассовых обществ (например, армяне, венгры, поляки, хорваты, чехи, шотландцы и т. д.). Современные неогенетические этносы в основном сформировались в переходные эпохи — становления капитализма (например, англоканадцы, бразильцы, итальянцы, мексиканцы, североамериканцы, французы и т. д.) и социализма (алтайцы, хакасы и т. д.).

М. В. Крюков

ГЛАВНОЙ ЗАДАЧЕЙ ПО-ПРЕЖНЕМУ ОСТАЕТСЯ ПРОНИКНОВЕНИЕ В СУЩНОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Когда древнекитайского философа Конфуция спросили, в чем заключается человеческое знание, он ответил: «В умении сказать „не знаю“ о неизвестном». К сожалению, и тысячелетия спустя ученые зачастую забывают об этом и пользуются понятиями и терминами, о содержании которых могут судить лишь весьма приблизительно. Представляется, что и в такой фундаментальной области этнографической науки, какой является теория этноса, давно пришла пора на время остановиться и попытаться отделить накопленные нами позитивные знания от того, чего мы вопреки своим субъективным ощущениям по существу еще не знаем.

Наглядным примером словесных клише, прочно вошедших в наш научный лексикон, но остающихся так до конца и не понятыми нами, может служить небезызвестная типологическая триада «племя — народность — нация». На страницах советских этнографических исследований она встречается столь часто, что воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Иногда даже понятие «этнос» выводится у нас путем анализа того общего, что характерно для «племени», «народности» и «нации»¹. Между тем одним из существенных результатов прошедшей на страницах журнала «Советская этнография» дискуссии об исторической типологии этнических общностей было как раз то, что она вновь со всей недвусмысленностью продемонстрировала: однозначного толкования трех указанных понятий в современной советской этнографии вообще не существует.

Разумеется, как и всякая схема, более или менее прочно вошедшая в научный обиход, триада эта имеет свою историю. Вполне уместным поэтому представляется мне предпринятый В. И. Козловым экскурс в те не столь отдаленные времена, когда мнимая незыблемость трехчленной

¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 45.

типологии этносов еще не казалась самоочевидной. Об этом как нельзя лучше свидетельствуют относящиеся к 1929 г. размышления Н. Шаповалова о необходимости разобраться, что же такое нация и национальность, с одной стороны, а также народ и народность — с другой; но не следует забывать и о том, что в 1932 г. С. Н. Быковский усматривал в эмпирическом многообразии общностей людей лишь два типа — племя и нацию. «Быть может, — писал он, — детальное изучение этого вопроса откроет и новую форму объединения, не являющуюся ни племенем, ни нацией. Название этой предполагаемой формы отсутствует»². Вопреки его ожиданиям, в первые послевоенные годы была сформулирована четырехчленная схема: племя — народ — народность — нация³. Однако развития эта концепция не получила, потому что после выхода в свет работы «Марксизм и вопросы языкознания» все споры по проблемам исторической типологии этносов, или «исторических общностей людей», прекратились. И произошло это безоговорочное принятие триады отнюдь не в результате детального изучения вопроса, в соответствии с принципом *hoc volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas*.

Многое изменилось с тех пор. Давно завершились дискуссии 1960-х годов. Но такова уж, видимо, сила традиции, что и по сей день по-прежнему предпринимаются попытки гальванизировать триаду, задним числом «обосновать» ее путем различного рода логических умозаключений. Примеры тому представлены и в данной дискуссии.

С. А. Арутюнов высказал мысль о том, что троичная схема типологизации этнических общностей вполне адекватно отражает объективную реальность, и попытался доказать этот тезис с позиций известной концепции изменения плотности информационных связей. За последние 15 лет эта гипотеза претерпела существенную трансформацию, но и в своем новом виде она, вопреки положительному отношению к ней почти всех участников дискуссии, не освободилась от первоначально заложенных в ней недочетов, проявляющихся теперь даже еще более отчетливо.

Действительно, С. А. Арутюнов полагает, что к типологии этносов можно подойти «с точки зрения интенсивности спаивающих их синхронных и диахронных коммуникативных информационных связей», плотность которых «возрастает в ходе прогрессивно-поступательного исторического развития не плавно, а ступенчато, с наличием по меньшей мере „двух порогов“ или резких скачков в темпах прироста этой плотности» (№ 4, с. 58). Первый из этих порогов — создание письменности, второй — развитие более или менее массового образования и средств массовой информации; «таким образом, три разных типа состояния информационной плотности, по-видимому, есть объективная реальность, и они соответствуют трем основным эволюционным типам этнических общностей, как бы их ни называть» (№ 4, с. 59).

Но верно ли, что в процессе возрастания плотности коммуникативных информационных связей объективно выделяются именно два «порога»? Ответ на этот вопрос имеет принципиальный характер, так как именно от него зависит, находит ли старая схема «племя — народность — нация» свое новое подтверждение. С. А. Арутюнов полагает, что такого рода «порогов» в истории человечества было «по меньшей мере» два. А это уточнение в сущности подрывает всю основу триады.

В самом деле, вряд ли можно всерьез возражать против того бесспорного факта, что научно-техническая революция, начавшаяся в основном с третьей четверти XX в., качественно изменила состояние инфосвязей в человеческом обществе. Если же для доказательства этого все-таки необходимы примеры, то удобнее всего обратиться к истории Японии, на которую ссылается сам С. А. Арутюнов.

Он несомненно прав, когда утверждает, что распространение в Японии в VI—VIII вв. письменности знаменовало определенный сдвиг в сло-

² Быковский С. Н. Племя и нация в работах буржуазных археологов и историков и в освещении марксизма-ленинизма. — Сообщ. ГАИМК, 1932, № 3—4, с. 14.

³ Мавродин В. В. К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации. — Сов. этнография, 1947, № 4.

жившейся ранее структуре инфосвязей. С определенными оговорками можно принять положение, что второй скачок в развитии указанной структуры датируется в этой стране XVII—XIX вв. Но можно ли говорить о том, что интенсивность коммуникативных связей в японском обществе не претерпела с тех пор сколько-нибудь резких скачкообразных сдвигов?

В середине XIX в. путешественник преодолевал расстояние от Эдо до Киото примерно за 15 дней, будучи вынужден останавливаться на каждой из 53 станций вдоль тракта Токайдо, столь хорошо известных нам по гравюрам укиё-э. Сейчас уже считающийся по японским меркам устаревшим экспресс «Хикари» доставит вас из Токио в Киото за 2,5 часа. Во времена Хиросигэ японцы не знали ни телеграфа, ни телефона. В наши дни все большие и малые города Японии соединены автоматической телефонной связью, и аппарат с сенсорной системой набора номеров позволяет начать разговор с любой точкой страны за 4—5 секунд. В XIX в. в Японии не было радио, ни тем более телевидения; современный телезритель может остановить свой выбор на любой из 6—8 ежедневных программ. Примерно та же картина обнаруживается при сопоставлении роли прессы в общей структуре средств массовой информации. Если следовать предложенному С. А. Арутюновым критерию исторической типологизации этнических общностей, мы должны прийти к выводу, что в XX в. в Японии, как и во всех других наиболее развитых странах мира, происходит превращение наций в некий новый тип этноса, характеризующийся резко возросшим уровнем плотности инфосвязей. Но С. А. Арутюнов, однако, не делает такого вывода, отступая от основополагающего принципа своей концепции и тем самым дезавуируя ее.

Далее, С. А. Арутюнов считает возможным противопоставлять буржуазные и социалистические нации исходя из степени относительной интенсивности двух видов инфосвязей — синхронных и диахронных. Здесь будет уместным напомнить читателю, что в первоначальном варианте гипотезы Арутюнова — Чебоксарова нация определялась как тип общности, для которого «важнее всего синхронная информация»⁴. Теперь С. А. Арутюнов полагает, что «нации... характеризуются резко возросшей интенсивностью как синхронных, так и диахронных инфосвязей, при этом по интенсивности последних социалистические нации заметно более продвинуты, чем буржуазные» (№ 4, с. 63). Развивая этот тезис, автор указывает на такие факторы, как пропаганда революционных традиций, постоянно культивируемая и в общественной жизни, и в художественных образах память об обстоятельствах перехода к социализму, о национально-освободительных, отечественных войнах. Подобной интенсивной диахронной, уходящей на всю глубину существования данного строя информации, по мнению С. А. Арутюнова, в буржуазных нациях нет.

Тезис этот далеко не бесспорен. «Историческая память» в буржуазном обществе может быть выражена не менее интенсивно, чем в социалистическом, и при этом выходить далеко за пределы существования данного строя. Пример тому — все та же Япония. Следует вспомнить о существовании в быту японцев чрезвычайно устойчивых культурных (в том числе религиозных) традиций, эффективной целенаправленной деятельности по сохранению памятников старины, популяризации событий прошлого и культурно-исторических реалий посредством кинематографа и телевидения (в особенности последнего, ежедневно демонстрирующего «самурайские» фильмы), массовом распространении древних национальных видов спорта (прежде всего сумо, сформировавшегося в его современном виде не позднее XVII в. и до сих пор собирающего огромное число зрителей во время каждого из четырех ежегодных турниров сильнейших мастеров) и многом другом. После разгрома милитаристской Японии во второй мировой войне единственным условием принятия ею капитуляции было сохранение статуса императора, который в наши дни давно уже утратил

⁴ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — В кн.: Расы и народы, 2. М.: Наука, 1972, с. 21.

ореол божественности, но продолжает оставаться в глазах значительной части японцев своего рода символом нации. Мне приходилось встречаться с деятелем японской социалистической партии, который всерьез утверждал, что если бы император Хирохито был приглашен посетить Советский Союз, это сразу устранило бы все препятствия на пути нормализации советско-японских отношений. Вряд ли можно сомневаться в том, что «историческая память» японцев по своей интенсивности и глубине не только не уступает плотности диахронных инфосвязей в нашем социалистическом обществе, но скорее всего превосходит ее. А это означает, что противопоставление буржуазных и социалистических наций, исходя из характеристики состояния синхронных и диахронных связей, представляется несостоятельным.

И наконец, еще одно возражение против концепции С. А. Арутюнова. Критикуя формационную типологию этносов, предложенную В. И. Козловым, он пишет: «По формациям делятся не этносы, а общества... Если мы примем схему В. И. Козлова, то даже если мы сможем ответить на вопрос, какова формационная структура и специфика тех или иных обществ — государств, конфедераций, локальных общин и т. д., все же мы ничего не узнаем о том, в чем же заключается собственно этническая специфика основных создающих эти общества этносов» (№ 4, с. 59). Но буквально то же самое может быть сказано и о схеме С. А. Арутюнова. Процесс возрастания плотности инфосвязей происходит в рамках не этносов, а обществ. Поэтому степень интенсивности коммуникативных связей также ничего не может сообщить нам о собственно этнической специфике общества на том или ином этапе его развития. В частности, согласно гипотезе С. А. Арутюнова, этнические общности будущего отличаются от всех предшествовавших типов этноса все более возрастающим уровнем плотности инфосвязей. Но этот вывод должен быть каким-то образом согласован с представлением об этносе как категории, которая существует не извечно, а возникает в определенных исторических условиях и столь же закономерно исчезает на соответствующем этапе развития человеческого общества, хотя уровень плотности инфосвязей в нем будет продолжать возрастать. Выход из противоречия в том, чтобы признать, что специфические этнические связи, обеспечивающие функционирование этноса как особой общности людей, не равнозначны информационным коммуникативным связям и не сводимы к ним.

По мнению А. М. Решетова, концепция Арутюнова — Чебоксарова вполне согласуется с формационным подходом к типологизации этнических общностей (№ 6, с. 57). Действительно, в 1972 г. эти авторы писали: «Та или иная плотность информационных связей, характерная для любого данного типа этнической общности, в конечном счете зависит не от чего иного, как от способа производства, господствующего в данном обществе»⁵. Однако нетрудно видеть, что это высказывание противоречит самой сути предложенной С. А. Арутюновым и Н. Н. Чебоксаровым концепции: ведь смена рабовладельческого способа производства феодальным, равно как и капиталистическому социалистическим, вовсе не рассматривалась ими как «порог» в развитии плотности инфосвязей. И не случайно теперь С. А. Арутюнов, устраняя это противоречие, утверждает, что сформулированный им критерий типологизации «представляется более операциональным, чем предлагаемое В. И. Козловым деление типов этносов по формациям» (№ 4, с. 59).

Однако в суждениях А. М. Решетова указанное противоречие отнюдь не устранено. С одной стороны, он настаивает на том, что для типологизации этнических общностей определяющим может быть только принцип соотношения их с социально-экономическими формациями (с. 57); с другой — напоминает, что К. Маркс «допускал группировку последних, причем классики марксизма видели общее во всех докапиталистических формациях и писали даже о „докапиталистическом способе производства“» (с. 57). Это дает А. М. Решетову основание утверждать: «Последова-

⁵ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Указ. раб., с. 25.

Соотношение численности рабочих и колхозников в составе наиболее крупных советских наций в 1959 г., % к их общей численности

Нация	Рабочие	Колхозники	Нация	Рабочие	Колхозники
Русские	54	24	Узбеки	27	65
Эстонцы	51	27	Азербайджанцы	24	61
Латыши	46	36	Грузины	23	54
Казахи	44	40	Туркмены	22	69
Армяне	40	40	Киргизы	22	70
Литовцы	34	52	Таджики	18	74
Украинцы	34	53	Молдаване	13	83
Белоруссы	31	57	В среднем по СССР	48	32

тельно придерживаясь формационного подхода, на современном уровне наших знаний можно выделить все те же три основные типа этнических общностей: племя, соплеменность — в архической формации; народность — в докапиталистической формации; нация — в капиталистической и социалистической формациях» (с. 57). Такой вывод озадачивает: каким образом, «последовательно придерживаясь формационного подхода», можно усмотреть в капиталистическом и социалистическом способе производства нечто общее, что порождает один и тот же тип этнической общности — нацию? Абсолютно неясно, что дает нам в этом отношении «современный уровень наших знаний», но во всяком случае ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс к такого рода группировке принципиально противоположных по своей сущности общественно-экономических формаций никакого отношения не имели.

Ю. В. Бромлей предлагает ответ на вопрос о том, почему каждый из двух последних типов в триаде «племя — народность — нация» в своем основном значении прилагается к этническим общностям двух формаций: народность — рабовладельческой и феодальной, нация — капиталистической и социалистической. Такое «двухформационное» использование этих терминов, по мнению Ю. В. Бромлея, не лишено определенных оснований, поскольку для любой нации характерно наличие относительно развитой промышленности, сравнительно интенсивных экономических связей, промышленного рабочего класса, а также, как правило, литературного языка, тогда как для народностей типично как раз отсутствие большинства из этих черт, в частности явное преобладание аграрной экономики, слабое территориальное разделение труда и преимущественно сельское население (№ 6, с. 62).

Заметим здесь прежде всего, что на практике употребление термина «народность» оказывается не «двухформационным», а «четырёхформационным», поскольку «подобные этносоциальные общности встречаются и в условиях капитализма и даже социализма» (с. 62). Но если это действительно так, то понятие «народность» неизбежно приобретает надформационный характер.

Однако обратимся к сущности критерия, предложенного Ю. В. Бромлеем, для разграничения «народности» и «нации». Фактически он близок к тому, что на этот счет говорилось А. А. Сатыбаловым еще в 1959 г.⁶, однако нельзя сказать, что за прошедшие четверть века операциональность этого критерия увеличилась. В самом деле, для нации признается характерным наличие *относительно* развитой промышленности и рабочего класса, а для народности — преимущественно сельское население. Но остается неясным, каким образом этот критерий может быть применен для типологической характеристики, например, народов СССР (табл.)⁷.

Если основываться на указанном критерии, некоторые из перечисленных народов (прежде всего молдаване, таджики и др.) не могут быть признаны нациями ввиду того, что в их составе явно преобладает сельское население.

⁶ Сатыбалов А. А. Исторические типы общности людей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959, с. 36.

⁷ Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975, с. 128.

Не меняет существа дела и указание на то, что нация — это основной тип этнических общностей при капитализме и социализме, а буржуазная и социалистическая народности — это всего лишь дополнительная разновидность таких общностей, отнюдь не определяющая (в отличие от нации) этносоциальный облик капиталистического и социалистического общества (с. 62). Неясно, что это означает, например, применительно к МНР, где халха-монголы составляют абсолютное большинство населения страны, однако доля рабочих среди них равнялась в 1960 г. 12,1% от их общей численности⁸. С точки зрения рассматриваемого критерия халха не могут быть отнесены к категории наций, поскольку в их составе преобладает сельское население. Но разве не они определяют этносоциальный облик современного монгольского общества?

Правда, говоря о народностях эпохи капитализма и социализма. Ю. В. Бромлей указывает в скобках, что в этнических общностях этого типа доля лиц, не занятых в промышленном производстве, составляет «90% и более» от общей численности населения (с. 62). Однако это в свою очередь вызывает целый ряд недоуменных вопросов. Прежде всего, остается абсолютно неясным, почему в качестве рубежа, пройдя через который народность превращается в нацию, избран показатель, равный именно 90%, а, например, не 80 или 95. Откуда вообще взята эта цифра? Выведена ли она путем некоего логического умозаключения или является результатом исследования каких-то конкретных фактических данных? Не последним в этом ряду является и вопрос о том, какие же народы СССР, имеющие более 90% не занятых в промышленности, могут в силу этого быть отнесены к числу народностей? Ведь в 1959 г., например, ханты по удельному весу людей, занятых в промышленности, капитальном строительстве, транспорте и связи, не отличались от белорусов, ненцы — от татар, а коряки от осетин (40%, 30—40% и 20—30% соответственно)⁹. Анализируя эти факты, А. Г. Агаев утверждает: «Отсюда можно сделать вывод, что по удельному весу занятого в индустриальных отраслях населения многие народности уже стоят наравне, если не впереди, многих наций»¹⁰. Таким образом, критерий «более 90% не занятых в промышленности» делает лишь еще более наглядным искусственность и схоластичность понятия «социалистическая народность». Оно искусственно, потому что выведено не путем анализа объективной реальности и бытует в нашей литературе лишь в силу инерции мышления, и схоластично, ибо не наполнено каким-либо конкретным содержанием.

Остается признать, что в ходе дискуссии ни один из сторонников триады не предложил убедительных аргументов в пользу необходимости и возможности использования ее в качестве научного инструмента анализа этнической ситуации на различных этапах человеческой истории. Таким образом, Ю. В. Бромлей безусловно прав в том, что трехчленная типология этносов в настоящее время может быть уподоблена гордиеву узлу. Выход один: воспользовавшись известным историческим прецедентом, рассечь этот узел, вообще отбросив составляющие его понятия и создать новую схему типологии, логически последовательную и адекватно отражающую реальную действительность.

Какого рода критерии должны быть положены в основу такой типологии? Ю. В. Бромлей выражает удивление по поводу того, что неоднократно сетуя на неудовлетворительность прежних типологических схем, я не предлагаю собственного рецепта рассечения гордиевого узла (с. 60). Это в свою очередь вызывает чувство удивления у меня: мне казалось, что заключительная часть моей статьи (пункт 5, с. 66—69) как раз и посвящена изложению если не рецепта, то во всяком случае гипотезы, которая может быть использована для типологизации этносов. По моему убеждению, наибольшую эвристическую ценность будут иметь типологии, основанные на собственно этнических критериях. В частности, я

⁸ Монгольская Народная Республика. Справочник. М.: Наука, 1986, с. 35.

⁹ Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Махачкала: Даг. книжн. изд-во, 1965, с. 241.

¹⁰ Там же.

предлагал обратить внимание на то, что на разных этапах истории человечества степень выраженности основных этнических признаков неодинакова, причем периоды повышенной этнической активности чередуются со спадами, депрессией, стагнацией. В связи с этим в ходе дискуссии был подвергнут обсуждению вопрос о том, в какой мере справедливы высказанные суждения об относительном уровне проявления этнических признаков (прежде всего самосознания этноса) в различные исторические эпохи.

Возражения вызвало толкование характера трансформации этнической активности на этапе первобытного общества. Я не склонен преуменьшать трудности, связанные с реконструкцией прошлого по данным этнографии, и мне уже приходилось писать о необходимости критического отношения к привлекаемым для этой цели источникам¹¹. К сожалению, в отличие от других аспектов этнической ситуации, об уровне развития этнического самосознания первобытной эпохи невозможно судить по каким-либо иным источникам, кроме этнографических. Вместе с тем я согласен, что более детальное изучение специфики этнических процессов на различных этапах первобытного общества, по-видимому, выявит более сложную конфигурацию кривой возрастания этнической активности.

Некоторые из моих оппонентов подвергли сомнению вывод о том, что эпохе античности соответствует в целом период активизации этничности, вследствие чего древние этносы характеризуются, как правило, отчетливо выраженным самосознанием. В своей статье для доказательства этого тезиса я ссылался на пример эллинов, этническое самосознание которых основывалось на возникшем не ранее VII в. до н. э. представлении о принципиальных и непреходящих различиях между «нами» и «варварами». Возражения на этот счет — двоякого рода. Во-первых, Г. Е. Марков считает, что указанная особенность самосознания эллинов — это частное явление, нетипичное в целом для этнических общностей древности (№ 4, с. 70). Во-вторых, многие участники дискуссии вообще не считают, что этническое самосознание эллинов было выражено достаточно отчетливо. В. И. Козлов и Г. Е. Марков сходятся в том, что представление о делении человечества на «нас» и «варваров» в основе своей является не этническим, а культурным. А. И. Першиц также полагает, что перед нами критерий культурной дихотомии: эллины — «неварвары», а скифы — «варвары», но египтяне — тоже «неварвары». В других случаях этот критерий приобретает политическое звучание: персы, хотя и обладают древней культурой, — «варвары», потому что они заклятые враги эллинов, и т. д. (№ 3, с. 72). К сожалению, не могу согласиться в данном случае с мнениями моих оппонентов.

Прежде всего особенности эллинского самосознания — отнюдь не исключение из правила, не частный случай. Работая над исследованием этногенеза древних китайцев, я столкнулся с многочисленными фактами, свидетельствовавшими о значительном типологическом сходстве процесса формирования этнического самосознания хуася и эллинов¹²; принципиально те же особенности прослеживаются также в самосознании персов эпохи Ахеменидов, древних египтян и т. д. Они заключаются в том, что все человечество делится на две неравные половины — «мы» и все те, кто отличаются от нас по языку, материальной и духовной культуре. При этом такие различия рассматриваются как врожденные качества людей, определяемые в конечном счете эгоцентрическим толкованием положения «нашей» этнической территории в «круге земель» и соответственно ее соотносительности со структурой макрокосма. Поэтому персы, с

¹¹ Крюков М. В. Этнографические факты как источник изучения первобытности: проблема критериев стадийной глубины. — В кн.: Этнография как источник реконструкции первобытного общества. М.: Наука, 1979, с. 43—59.

¹² Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. — В кн.: Расы и народы, 6. М.: Наука, 1976, с. 42—63; Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978, с. 271—282; Крюков М. В. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия. — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, с. 147—162.

точки зрения эллинов, «варвары» не потому, что они враги Эллады; с персами можно даже заключать политические союзы, что, однако, не меняет их инаковости как существ, «подобных животным и растениям».

Что же касается представления эллинов о египтянах, то в их глазах последние, разумеется, «варвары», точно так же, как, с точки зрения египтян, эллины, как и все, что не говорит по-египетски, тоже в свою очередь считаются «варварами». Другое дело, что Геродот, первым из греческих авторов подробно описавший историю и культуру Египта, склонен был считать многие эллинские обычаи заимствованными у египтян (хотя и он, впрочем, нигде не называет их «неварварами»). Но нужно вспомнить, какова была реакция на это, скажем, у Плутарха, присвоившего Геродоту насмешливое наименование *φιλοβαρβαροῦ*¹³. Геродот потому и подвергался столь суровой критике, что его суждения противоречили господствовавшим у эллинов идеям, не допускавшим ни малейшей двусмысленности в делении человечества на две взаимоисключающие половины. Г. Е. Марков (№ 4, с. 70) выражает сомнение в том, действительно ли эллины столь определенно воспринимали жителей всех полисов как членов единого этноса, но этот вопрос достаточно подробно исследован в специальной литературе, к которой я и отсылаю заинтересованного читателя¹⁴.

В отношении взгляда на средневековье в целом как на эпоху, когда наблюдаются признаки стагнации этнических общностей, мнения оппонентов разделились. Ю. В. Бромлей счел этот тезис заслуживающим внимания, однако отметил, что на стадии раннего феодализма этническое самосознание обычно было отчетливо выраженным (с. 64). Это уточнение в принципе не противоречит моим собственным наблюдениям, хотя исследования, на которые ссылается Ю. В. Бромлей, имеют отношение к народам, не прошедшим в своем историческом развитии этап рабовладения, и поэтому характеризуют иной вариант трансформации степени выраженности этнических свойств. Но и в «типичных» случаях время раннего феодализма отмечено более высоким уровнем этнического самосознания, чем последующие периоды средневековья, именно потому, что спад, наступающий после подъема, происходит, конечно же, не в одночасье. К началу этого этапа относятся и те примеры, которые приводит Г. Е. Марков: эфиопы в Аксумском царстве (I—VII вв.), персы в сасанидском Иране (III—VII вв.), арабы эпохи возникновения халифата (VII в.) и т. д. Г. Е. Марков не уверен в том, сможет ли высказанная мною мысль найти подтверждение в широком фактическом материале (№ 4, с. 71). Окончательный ответ на этот вопрос, разумеется, будет получен не раньше, чем история развития этнического самосознания средневековых народов будет подвергнута более или менее детальному исследованию; мои выводы основываются пока преимущественно на изучении эволюции китайского этноса¹⁵; они подтверждают высказывавшееся в литературе мнение о том, что эпоха феодализма была довольно неопределенной в этническом отношении¹⁶.

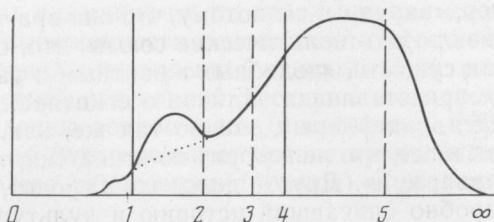
Речь, разумеется, идет не о полной безэтничности населения в эту эпоху, а о том, что стагнация этнических связей привела к выдвиганию на первый план представления о принадлежности к общностям иного рода, прежде всего сословным, а также конфессиональным и т. д. Особо следует подчеркнуть здесь этностагнирующую роль мировых религий. В период турецкого владычества болгары, сербы, греки безусловно продолжали различать друг друга, но осознание этого различия было при-

¹³ Плутарх. О злокозненности Геродота.— В кн.: Лурье С. Я. Геродот. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1947, с. 167.

¹⁴ Kessler J. Isocrates und die panhellenische Idee. Padeborn, 1911; Mathieu G. Les idées politiques d'Isocrate. P., 1925; Dunkel H. Panhellenism in Greek Tragedy. Chicago, 1937; Jaeger W. Paidea: the Ideals of Greek Culture, III. N. Y., 1944; Baldry H. C. The Unity of Mankind in Greek Thought. Cambridge, 1965, и др.

¹⁵ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979, с. 241—272; Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века. М.: Наука, 1984, с. 253—291.

¹⁶ Козлов В. И. Динамика численности народов. М., 1969, с. 62—64.

Историческая динамика эволюции этнического самосознания
Эпохи, соответствующие социально-экономическим формациям: 0—1—первобытность; 1—2—рабовладение; 2—3—феодализм; 3—4—капитализм; 4—5—социализм; 5—коммунизм; обозначены: сплошной волнистой линией — развитие этнического самосознания; пунктиром — развитие этнического самосознания этносов на этапе 1—2 (для этносов, не прошедших стадию рабовладельческого общества)

глушено, заторможено, так как в то же самое время все они, вместе взятые, были «православными» в противовес политически господствовавшим мусульманам. Точно так же немецкие крестоносцы, начавшие в конце XII в. завоевание Прибалтики, отнюдь не отождествляли себя со шведами и датчанами, также принимавшими участие в крестовых походах, но, даже не считая их «настоящими христианами», все же прежде всего противопоставляли христианские народы порочным язычникам¹⁷. Наглядный пример того, как распространение мировой религии вступало в конфликт с основополагающими принципами самосознания этнической общности, дает нам раннесредневековый Китай. Буддист Фа-сянь, вместе со своими спутниками отправившийся в Индию за сутрами, столкнулся с трудноразрешимым противоречием: ощущая себя китайцем и в силу этого полагая, что в противоположность «варварам» этническая территория китайцев находится в центре Поднебесной, он в поисках истинной мудрости добрался до Магадхи, также именовавшейся «Срединным государством». И вот оказалось, что в глазах своих идейных наставников он выглядел «человеком из далекой окраинной страны»! Смещение привычных стереотипов было настолько резким, что один из спутников Фа-сяня, «прибыв в Срединное государство и увидев правила, которым следуют шраманы, и строгий вид рядовых монахов, счел все это достойным подражания и сокрушался по поводу того, что в захолустных циньских землях (в Китае. — М. К.) не существует подобных запретов. Он стал молиться, чтобы в следующем перерождении ему не довелось бы снова очутиться в далекой окраинной стране... Поэтому он остался в Индии и никогда больше не возвращался домой»¹⁸. Изучение этнической истории китайцев показывает, что существование в средние века надэтнических конфессиональных и иных общностей, самосознание которых превалировало над этническим, зачастую способствовало прорыву этнически обусловленных эндогамных барьеров, что противодействовало процессу этнической консолидации и облегчало размывание границ этноса.

Многие участники дискуссии согласны с тем, что период кризиса феодализма и начало капиталистической стадии в истории человечества характеризуется резкой активизацией этничности (Бромлей, с. 65; Марков, № 4, с. 71; Першиц, № 3, с. 70). Вместе с тем важно не только констатировать этот факт, но и оценить его с точки зрения характера количественных и качественных показателей динамики эволюции этнического самосознания в истории человечества. К сожалению, мои соображения на этот счет, изложенные по необходимости лапидарно, были не вполне точно интерпретированы А. И. Першицем. Он счел возможным выразить их простым арифметическим кодом в виде формулы — + — + —. Однако в своей более конкретной форме выявленная закономерность выглядит иначе (см. график). На приводимом графике по оси абсцисс отложены

¹⁷ Зутис Я. Очерки по историографии Латвии, ч. I. Рига, 1949, с. 11—12.

¹⁸ A Record of the Buddhist Countries by Fa-hsien. Peking, 1957, p. 76; подробнее см. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков, с. 248—252.

рубежи, соответствующие началу нескольких последовательных исторических эпох — рабовладения (1), феодализма (2), капитализма (3), первой стадии коммунизма (4), второй его стадии (5); по оси ординат фиксируется уровень развития этничности.

Можно видеть, что в своем абсолютном выражении степень проявления этнических связей в период 2—3 несомненно выше, чем на начальном этапе формирования этнических общностей (0—1), однако этот подъем ниже предшествующего (1—2) и последующего (3—5) пиков. Поэтому знак «минус» в средней части формулы А. И. Першица вовсе не равнозначен тем же знакам в ее начале и конце. Наши расхождения касаются главным образом оценки конфигурации кривой на участке 1—5. А. И. Першиц постулирует недостаточную четкость проявления этнического самосознания в древности и усиление его в средние века, вплоть до эпохи капитализма, когда «как бы взрывообразно возникает этничность в ее чистой и ярко выраженной форме» (с. 72); поэтому нарастание этничности в антагонистических обществах он считает возможным выразить формулой $++ ++ ++$. Я не могу с этим согласиться: если уж пользоваться подобным кодом, то более правильным было бы представить динамику эволюции этничности на этапе 1—5 формулой $++ + ++$. В пользу того, что перед нами не просто линия последовательного нарастания роли этнических связей, а кривая с двумя выраженными пиками, говорит и наблюдение Ю. В. Бромлей: представление об общности происхождения как важный компонент этнического самосознания «приобретает особое значение на ранних и поздних этапах этнической истории человечества» (с. 64), т. е. на участках 1—2 и 3—5 нашего графика. Следует заметить, что ведущая роль представления об общности происхождения в структуре самосознания этноса была характерна для начального этапа существования древних этнических общностей, например для древних китайцев VII в. до н. э. («варвары не связаны с нами родством и отличаются жадностью»; «варвары — это шакалы и волки, им нельзя идти на уступки; хуся — это родственники, их нельзя оставлять в беде»¹⁹); хотя несколькими столетиями позже Сыма Цянь допускал уже мысль об общности происхождения древних китайцев и сюнну²⁰. Точно так же представление о том, что эллином можно только родиться, но нельзя стать, сменяется со временем иной трактовкой противоположности эллинов и варваров: «Самое имя эллина становится уже обозначением не происхождения, но культуры. Эллинами чаще называют получивших одинаковое с нами образование, чем людей одного и того же происхождения»²¹. Очень существенно и то, что конкретное содержание представления об общности происхождения на разных этапах этнической истории далеко не одинаково: на ранних — это идея родства всех членов этноса, на поздних — представление об общности их исторических судеб (Бромлей, с. 64). Существенно меняется и сам характер антитезы «мы — они»: у древних этносов она строится на противопоставлении «нас» и «варваров», а в самосознании современных этносов так или иначе преобладает идея единства человеческого рода.

Неизбежно возникает вопрос: чем же вызываются прослеженные выше сдвиги в параметрах этнического самосознания? Для объяснения этого были предложены понятия этностимулирующих и этностагнирующих факторов. Под первыми²² я понимаю те условия социально-экологической среды, которые способствуют возникновению и развитию этнических связей, под вторыми — факторы, объективно препятствующие этому процессу. Специфическое сочетание факторов того и другого рода в ко-

¹⁹ Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза, с. 274.

²⁰ Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М.: Наука, 1983, с. 363.

²¹ Исократ, Панегирик. — Вестн. древней истории, 1965, № 4, с. 222.

²² Этностимулирующие факторы по своей сущности близки к «факторам, формирующим этнические общности», по терминологии В. Ф. Генинга (Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970, с. 23).

нечном итоге определяют судьбу этноса на том или ином этапе его истории.

Конкретные этностимулирующие и этностагнирующие факторы могут существенно различаться по своей сущности. Некоторые из них отражают, например, особенности политической ситуации. Замечено, что резкие межэтнические конфликты в большинстве случаев создают дополнительные предпосылки для активизации этничности: не случайно завершение формирования этнического самосознания эллинов приходится на начало V в. до н. э., т. е. на период греко-персидских войн; в Китае аналогичный процесс складывания общности хуся интенсивно протекал в VII в. до н. э., когда на Среднекитайскую равнину вторглись племена ди.

В то же время в качестве этностагнирующих факторов могут выступать фундаментальные социальные институты (например, касты и сословия), функционирование которых определенным образом соотносено с тем или иным этапом развития человеческого общества. Поэтому, в частности, формирование капиталистического способа производства, сопровождающееся ломкой внутриэтнических барьеров, приводит к «взрыву этничности».

В связи с этим необходимо вернуться к вопросу о том, как соотносится предложенная мною схема с типологиями, основанными на формационном критерии. А. И. Першиц приветствовал появление статьи, начавшей дискуссию, в связи с тем, что она «еще раз привлекает внимание к необходимости формационного понимания всех сколько-нибудь важных исторических явлений вообще, исторических типов этнических общностей, в частности (с. 69). Тем не менее приходится повторить, что, признавая общеметодологическое значение формационного подхода к изучению этнической истории человечества (разумеется, при полном соблюдении всех необходимых правил «грамматики»), я тем не менее считаю его слишком общим и потому недостаточным для исчерпывающего объяснения специфических закономерностей развития этнических общностей. Поэтому я не могу согласиться с А. И. Першицем в его утверждении, будто бы можно считать доказанным тот факт, что типы этнических общностей, выделенные на основе формационного критерия, «неодинаковы не только по социальной структуре, но и по каким-то собственно этническим признакам» (с. 70). Должен признаться, я не знаю, кем и когда это было доказано. Что же касается сформулированной А. И. Першицем закономерности («выраженная этничность антагонистических классовых обществ, и в особенности общества капиталистического, в отличие от неструктурированной протоэтничности доклассового и от предсказанной В. И. Лениным дезэтнизации коммунистического общества», с. 71), то здесь мы как раз и наблюдаем известное расхождение между собственно этническими и формационными признаками.

С моей точки зрения, типы этносов, выделяемые на основе специфики этнических признаков, лишь определенным образом соотносятся с формационной типологией, но отнюдь не могут быть отождествлены с нею. Так, в пределах первой (докапиталистической) «крупной формы» классового общества мы наблюдаем соответствие таксонов обеих схем: древние этносы с их отчетливо выраженными свойствами существовали в эпоху рабовладения, а средневековые, характеризовавшиеся гораздо большей аморфностью, свойственны эпохе феодализма. Но на более поздних этапах это соответствие нарушается, поскольку, как это признает и А. И. Першиц, произошедший в капиталистическом обществе «взрыв этничности настолько силен и настолько сильно сказался на этнических общностях нового типа, что последние, даже полностью изменив свою социальную структуру, и в социалистическом обществе оказались очень устойчивыми» (№ 3, с. 72). Это как раз и означает, что в основе выделения «этнических общностей нового типа» (я предложил называть их «современными этносами») лежит признак высокой степени выраженности этнических свойств.

Здесь мы возвращаемся к вопросу о терминологии. Вряд ли можно спорить с тем, что это вопрос в целом гораздо менее существенный, чем

разработка типологии как таковой. Тем не менее в языке науки понятия не могут существовать вне обозначающих их терминов, и поэтому терминологические огрехи неизбежно приводят на практике к понятийному разнообразию. Представляется, что для обозначения выявленных типов этнических общностей можно в принципе пользоваться любыми наименованиями, необходимо лишь соблюдать при этом некоторые общие правила. Первое из них состоит в том, что следует избегать заведомо многозначных терминов, тянущих за собой шлейф разнородных толкований (примером может быть все та же «народность», о чем уже многократно говорилось). Положение усугубляется тем, что зачастую они употребляются нетерминологически. Если В. Г. Богораз-Тан писал о «племенах российского юга», а авторы переписей населения Индии приводят данные о «зарегистрированных племенах», то к типологии «племя — народность — нация» эти словесные обороты никакого отношения не имеют. Точно так же в своей известной статье «Об этнографическом изучении народности русской» Н. И. Надеждин не имел, конечно, в виду какой-то определенный исторический тип этноса и т. д.

Но даже с учетом сказанного мне не кажутся принципиальными еще раз повторенные Ю. В. Бромлеем возражения против предложенного С. А. Токаревым термина «демос» для обозначения древних этносов. Ю. В. Бромлей полагает, что вряд ли было бы корректным называть объект одной науки термином, используемым в качестве основного корня в наименовании другой дисциплины: обозначение одного из объектов этнографии словом «демос», считает он, невольно создает впечатление, что это объект демографии (с. 63). Но подобные опасения представляются мне чрезмерными. Обозначая один из родов семейства сложноцветных термином «Aster», ботаники не выражают беспокойства по поводу того, что это будет неправильно понято астрономами. Условность традиционных наименований отдельных отраслей знания хорошо известна: астрономия это ведь не наука о названиях звезд, равно как и специалисты в области геометрии вовсе не обязательно являются землемерами.

Важнее другое. Вновь вводимые термины не должны нарушать системного единства номинации. Поэтому если уж мы, отстаивая формационный подход к типологии этнических общностей, намерены обозначить этносы рабовладельческой формации новым термином «палеос» (или «векция»), а этнические общности эпохи феодализма — «мезос» (или «мекция»), то необходимо быть последовательным и взамен «нации» ввести два новых термина, соответствующих двум ее разновидностям — буржуазной и социалистической.

Но у данной проблемы есть еще и другая сторона. Как совершенно справедливо заметил С. А. Арутюнов, в повседневной и публицистической речи незачем употреблять типологически ранжированные термины, здесь предпочтительнее нейтральные выражения (№ 4, с. 64). Именно это имел в виду я, предлагая отказаться в нашем обыденном словоупотреблении от нередко встречающегося выражения «нации и народности Советского Союза», заменив его нейтральным словосочетанием «народы СССР». Ю. В. Бромлею более удачным представляется употребление в данной связи формулы «национальности СССР», поскольку слово «народ» чрезвычайно многозначно (с. 60). Тем не менее нет серьезных оснований предполагать, что даже в единственном числе слово «народ» с определением к нему, образованным от этнонима («грузинский народ», «ненецкий народ» и т. д.), может быть понято в каком-то ином, а не в этническом смысле. Тем более определенно воспринимается в русском языке выражение «народы СССР»²³.

Нет сомнения в том, что прошедшее обсуждение было полезным, хотя и не могло решить всех поднятых вопросов. И один из важных выводов, который напрашивается в результате дискуссии, таков: наше продвижение вперед в вопросах типологизации этносов во многом определяется

²³ См. например: Программа Коммунистической партии Советского Союза. Новая редакция. М.: Политиздат, 1986, с. 44 и др.

тем, насколько глубоко мы сумели проникнуть в сущность понятия «этнос».

За последние годы в области теории этноса сделано немало. И все же специфика этноса, по-видимому, не вполне адекватно отражена в наиболее часто встречающемся определении его как исторически сложившейся на определенной территории устойчивой межпоколенной совокупности людей, обладающих общими сравнительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании²⁴. В большинстве случаев это определение кажется достаточно операциональным, но оно, например, не позволяет однозначно разграничить этносы и касты или кастоподобные образования раннеклассового общества, к которым фактически также почти полностью применимо указанное определение. Проникновение в сущность специфических связей, отличающих этнос от всех других исторических общностей людей, — вот что по-прежнему остается важнейшей задачей теоретической этнографии.

²⁴ Современные этнические процессы в СССР, с. 11.

ОТ РЕДАКЦИИ

Обсуждение в журнале статьи М. В. Крюкова «Еще раз об исторических типах этнических общностей» показало, что задача типологизации этнических общностей и уточнения соответствующего понятийно-терминологического аппарата пока еще не может считаться решенной. Несмотря на обнаружившиеся в ходе дискуссии расхождения во взглядах, все ее участники были единодушны во мнении о необходимости уточнения терминологии и, во всяком случае, введения дополнительных квалифицирующих характеристик, которые позволили бы придать большую содержательность и четкость общепринятой ныне этнической номенклатуре. Хотя разработка этого аппарата заметно продвинулась в последнее время, однако остался еще ряд нерешенных вопросов. Поэтому в центре внимания оказалась многозначность термина «народность». В связи с этим в ходе дискуссии были предложены уточнения терминологического характера. И хотя не исключено, что некоторые из них войдут в научный обиход, следует сразу же подчеркнуть, что едва ли удастся легко отказаться от термина, достаточно прочно утвердившегося в научной литературе за последние три с половиной десятилетия. К тому же в ходе дискуссии еще раз было обращено внимание на некоторые заслуживающие учета критерии разграничения народностей и наций: их надо только последовательно соблюдать.

В чем же заключается главный итог проведенного обсуждения? По-видимому, прежде всего в том, что оно позволило яснее осознать сложности, которые возникают на пути совершенствования существующей типологии форм этнических общностей. Поэтому, завершая обсуждение, целесообразно попытаться обрисовать эти сложности.

Первая из них вызвана «вторичностью» общности этнической по отношению к общности социальной. Параметры этноса (ЭСО) — эта точка зрения разделяется всеми участниками дискуссии — определяются прежде всего факторами формационными и зависят от них. Но очевидно также и то, что признание определяющей роли формационных факторов не исключает представления об относительной самостоятельности собственно этнических общностей в процессе их эволюции, которая в свою очередь отнюдь не всегда синхронна изменениям, происходящим в социально-экономической структуре. По сравнению с ней собственно-этнические свойства гораздо более инерционны. Поэтому смена общественно-экономической формации не означает немедленного и, так сказать, автоматического изменения всей этносоциальной общности. Ведь, даже изменив свой тип вслед за сменой формации, ЭСО не перестает развиваться, эволюционировать и в сфере собственно этнической. Этнос в узком значении слова и его культура — открытые системы, они способны воспринимать самые разные внешние воздействия в дополнение к собственному спонтанному развитию. И поэтому взаимодействие собственно-этнических факторов с факторами формационными, точнее — внутриформационными,